

«Если бы отец не погиб...»

Окончание. Начало на стр. 1

— О ком?

— Это Варлам Шаламов. Я его считаю сверхчеловеком, хотя он прожил жизнь обычного человека. Чтобы вынести все, что вынес он, и так написать об этом, нужно было иметь сверхчеловеческие способности. Это будет 12-серийный телефильм, условное название «Завещание Ленина». Свой первый срок Шаламов получил за распространение этой «фальшивки», как при Сталине называли это письмо Ленина к съезду. Мы должны его снять в 2006 году, а в 2007 году будет 100-летие со дня рождения Варлама Тихоновича. Попробуем открыть для России ее величайшего писателя XX века. Для меня это — Достоевский прошлого столетия. Поэт, художник, стоик. Не случайно я пригласил в качестве сценариста Юрия Арабова, с которым раньше даже не был знаком. Он не сразу согласился. Но, подумав, сказал, что сделать эту работу — наша миссия. Миссия — рассказать об этом человеке, потому что в России его мало знают.

— Солженицын известен гораздо больше...

— Я не умаляю значения Солженицына, но он отсидел 4 года в шарашке под Москвой, а Шаламов — 20 лет на Колыме. Разница космическая. И Шаламов не претендовал на роль пророка в своем отечестве, каким хочет быть Александр Исаевич.

— Считаете, нашей отчизне-матери не нужны пророки?

— Думаю, нет. Но Солженицыну я все равно готов поклониться до земли за один «Архипелаг ГУЛАГ». Даже если бы он ничего больше не написал, все равно остался бы в литературе и в истории как автор Библии о советских лагерях. Если говорить о лагерной теме, то ей в фильме будет уделено большое место. Ведь у нас в кино ее по-настоящему никто не трогал. Хотя лагерные фильмы были.

— После показа вашего «Штрафбата» прошло время, фильм имел большой резонанс, и вы услышали много мнений о нем. Что в этих суждениях было для вас наиболее интересно, неожиданно или неприятно?

— К сожалению или к счастью, ничего особо неожиданного не было. Историки пеняли на фактические неточности, но я о них знал еще тогда, когда читал сценарий Эдуарда Володарского. Я ведь человек дотошный и когда беру в руки сценарий, да еще на такую историческую тему, то начинаю наводить справки. Например, я знал, что штрафники-рядовые и штрафники-офицеры воевали в разных частях, что штрафбатами обычно командовали кадровые, а не разжалованные офицеры...

— Что «генералов НКВД не было», а были комиссары, а уж про священников...

— Да, там есть огрехи, о которых я предупредил и продюсера, и сценариста. Но если бы все это исправить, то не было бы художественного произведения под названием «Штрафбат». Кроме того, в России всегда бывают исключения из правил, а уж в условиях войны тем более. Так что можно считать, что мы отчасти построили фильм на этих исключениях. Претензии я принимаю, но мы пошли на них умышленно. Были неточны в частности, не соврав в главном. Поэтому у нас не было официальных консультантов — мы не хотели никого подставлять. Другое дело, что я категорически не согласен с тем, что говорят такие люди, как генерал Варенников. Они привыкли, что кто-то обязательно стоит с указкой у карты, кто-то — у телефона на связи с главнокомандующим, и хотят, чтобы была отражена руководящая роль генералитета, генштаба, коммунистической партии и лично товарища Сталина. А у нас кино не про это, а про штрафников. Мы не говорим, что они выиграли войну, мы говорим, что и они тоже вложили свой кирпичик, и не один, в огромный фундамент Победы. Мы не умаляем роли генералов, просто мы делали кино про тех, кто был в окопах, умирал, воевал и погибал. Про них даже нельзя сказать «они сражались за Родину» — они погибали за Родину.

— Кто-то удачно выразился: «приговорены к подвигу».

— Абсолютно правильное словосочетание. Как Виктор Астафьев говорил, мы войну выиграли мясом.

— При советской власти такой фильм зарубили бы на уровне заявки, а если бы случайно дали снять, то уложили бы на полку, а вас выгнали из режиссуры, как Аскольдова, которому после относительно безобидного «Комиссара» больше не дали снять ни кадра. Чего ж «Штрафбату» не хватает еще, чтобы считаться антисоветским?

— «Штрафбат» — антисоветский фильм лишь в том смысле, что показывает, как советская власть относилась к своим солдатам. И штрафники воюют не за советскую власть, а за Родину, за свою землю.

— Это разделение было в сценарии или возникло по ходу дела?

— Было и в сценарии. И кстати, если можно говорить, что мы сделали картину о войне государства и народа с фашизмом, то сериал о Шаламове и по Шаламову будет о войне государства со своим народом. Если хотите — о советском холокосте, об истреблении своего народа, если называть вещи своими именами.

— Вы с Андреем Черкизовым еще до «Штрафбата» сделали документальный сериал о российской власти в XX веке. Насколько это помогло вам в работе над художественным фильмом?

— Очень помогло. Я пересмотрел уйму хроники, в том числе военной. Можно сказать, по ней во многом узнал саму войну. И мне было легче подбирать хронику для «Штрафбата». Вообще мне очень дорога эта работа. В сущности, этот документальный фильм — учебник. Ведь молодое поколение мало что знает о нашей истории, а если знает, то искаженно. А хочется, чтобы они знали более или менее объективно. Алексей Баталов, который прочел в картине текст от автора, сказал: «Неизвестно, будет ли кто-нибудь смотреть в далеком будущем наше игровое кино, а вот этот фильм и через сто лет будет стоять где-то на полочке в университетской видеотеке».

Мне было очень интересно делать эту картину, и по-моему, она у меня получилась, хотя, конечно, какая моя заслуга — монтаж, монтаж и монтаж. Но все-таки я смею надеяться, что это картина, не ангажированная властью, максимально объективная.

Как и в картине «Облако-рай», главную роль в новом фильме Николая Досталь «Коля — Перекасти поле» исполнит Андрей Жигалов.

— По-вашему, у нас в XX веке была какая-то особая власть?

— Думаю, что к нашим традиционно называемым бедам — воровству, пьянству, дуракам и дорогам — нужно добавить еще одну — порченную власть. У нас к власти почему-то приходят люди, которые сразу же начинают думать только о том, как бы закрепиться и чего-то набрать. Авторитаризм, корысть, коррупция, тщеславие — вот черты российской власти. Имперская жажда единовластия. Все для того, чтобы увековечить и обеспечить себя, свою семью, причем часто за счет подавления других. Меняются только средства. Слава богу, сейчас, чтобы удержать или укрепить власть, не расстреливают.

Николай ДОСТАЛЬ родился в 1946 году в семье кинорежиссера Николая Владимировича Досталь. Его старший брат — кинорежиссер и продюсер Владимир Досталь. В начале 1960-х годов Николай работал ассистентом режиссера на киностудии «Мосфильм». В 1971 году окончил факультет журналистики МГУ, в 1981 году — Высшие курсы сценаристов и режиссеров (мастерская Георгия Данелии). В качестве режиссера дебютировал в 1985 году полнометражной картиной «Человек с аккордеоном». В 1991 году по своему сценарию поставил фильм «Облако-рай», который был удостоен нескольких премий на кинофестивале в Локарно, в том числе и приза «Серебряный леопард». На счету режиссера такие фильмы, как «Шура и Просвирия» (1987), «Маленький гигант большого секса» (1992), «Полицейские и воры» (1997), «Штрафбат» (2004).

— Если не считать расстрел Белого дома. Однако профессию режиссера часто сравнивают с профессией властителя. Постановщики ведь властны не только над съемочной группой, но и над предкамерной реальностью. И частенько злоупотребляют этой властью, насилуя эту реальность.

— В данном случае авторитаризм уместен и необходим, а цель оправдывает средства. Причем средства вполне гуманные. Хотя режиссерское единоначалие в последнее время подрывается продюсерами. Продюсер становится содиктатором или даже берет на себя единоначальную власть. Как часто делает, например, мой брат. Но он делает это с умом и профессионально. Что делать? Кто дает деньги, тот заказывает музыку.

— Вы чувствовали на себе его братскую руку?

— Я — в меньшей степени, другие — в большей. Я всегда могу уйти и не работать у него — у меня немало предложений из других компаний, которые и платят не меньше, а то и больше. Я не считаю себя зависимым от него. Но если меня постигает удача, то, конечно, мне приятно, что мой успех разделяет Владимир Досталь, а не другой продюсер. Кстати, у нас есть диктаторы покруче, хотя и с гораздо меньшим опытом кинопроизводства. И вы их знаете.

— Имеете в виду продюсеров Первого канала Константина Эрнста и Анатолия Максимова? Вы где-то говорили, что они не позволили Максиму Галкину сняться в «Штрафбате».

— Да. «Лицо канала» в роли какого-то еврея-штрафника... И это не единственная история. Коллеги мне рассказывали про «их нравы».

— Ну если они человека купили на корню, то в самом деле имеют право не разрешить ему сниматься на конкурирующем канале. А без продюсера работать легче?

— Сейчас, когда я снимаю на государственные деньги, то больше свободы. С учетом того, что все артисты были определены заранее.

— Вы бываете жестким по отношению к актерам?

— Иногда приходится. Если человек пришел на площадку неподготовленным.

— А если он своевольничает и играет не по вашей указке, а по-своему?

— А тут надо действовать иначе. Не жесткостью, а чисто режиссерскими профессиональными уловками, иногда хитростью. Если ты предложишь интересный рисунок роли, актер возражать не станет.

— Кинорежиссером вы стали потому, что решили пойти по стопам отца?

— Отец погиб на съемках картины «Все начинается с дороги» в 1959 году, и для него тогда все кончилось. Он сидел возле камеры на капоте огромного грузовика, тот врезался в столб, отец получил «черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью». Ему было всего 50 лет, на 10 лет меньше, чем мне сейчас. После его смерти «Мосфильм» взял нас с братом под опеку. Мы были на студии как дома и, естественно, начали на ней работать. Так все и сложилось. У отца не было желаний, чтоб мы с братом пошли работать в кино. И у меня в мыслях этого не было. Так что, если бы он остался жив, я бы вряд ли стал кинорежиссером.